

В диссертационный совет МГУ.051.4
Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова
г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д.1, стр. 13-14,
Юридический факультет

ОТЗЫВ

официального оппонента на диссертацию
на соискание ученой степени кандидата юридических наук
Короткевича Михаила Александровича
на тему: «Плюрализм как цель коммуникационных свобод
в конституционном праве Федеративной Республики Германия»
по специальности 5.1.2. «Публично-правовые
(государственно-правовые) науки»

Диссертация М.А. Короткевича посвящена важной и актуальной проблеме современной юридической науки. Плюрализм представляет гарантированную конституциями современных демократических государств основу общественного строя и возможность акторам публичного политико-правового пространства коммуницировать всеми не запрещенными законом способами в личных и публичных целях. Данную коммуникационную свободу в ее ценностной и формально-юридической объективизации можно рассматривать – с одной стороны – как фундаментальную личную, политическую и социальную ценность (благо), открывающую возможность индивидуумам не только участвовать в управлении делами государства, но и формировать, выражать свободу совести, реализовывать коммуникативный потенциал, обеспечивать политическую и социальную интеграцию. Вместе с тем многогранность проявления немецкой плюралистской коммуникационной концепции состоит в том, что наравне с гарантирующими индивидуальную коммуникацию классическими свободами выражения мнения и информации догматической и нормативной самостоятельностью обладают институционально ориентированные свободы вещания и прессы, обеспечивающие массовую коммуникацию.

Как верно отмечает автор, дихотомия плюрализма в демократическом обществе и правовом социальном государстве проявляется сложными

взаимообусловленными феноменами. Важными и детерминирующими актуальность темы исследования представляются также факты, что Федеративная Республика Германия «с первых послевоенных десятилетий активнее других западных стран искала баланс между свободой и равенством в сфере коммуникации непосредственно в парадигме конституционного права» (с. 4), однако, произошедшее в Германии «трансформации последних пяти лет, в том числе и названное властями «сменой эпохи» (Zeitenwende) гибридное чрезвычайное положение, однозначно указывают на разрушение этого равновесия и переход к сверхинтигивному государственному общественному вмешательству в область индивидуальной и массовой коммуникации...» (с. 4).

Упомянутая авторская методология исследования, выраженная в структуре диссертации и необходимых атрибутивных элементах введения, обладает новизной и способствует полному и всестороннему анализу заявленной темы. Методологически верно выбрана основная цель исследования и сформулированы конкретизирующие ее задачи. Объект и предмет исследования определены и сформулированы корректно, применяемые в исследовании разнообразные методы научного познания обеспечили успешность достижения цели и решения задач.

Не вызывает сомнений научная новизна диссертации. Следует согласиться с тем, что безусловно новым является «концентрированный критический перенос актуальной немецкой дискуссии в российскую конституционно-правовую науку как по широко обсуждаемым темам конституционализации, теории прав человека и европейской интеграции, так и по весьма узкой проблематике конституционного медиаправа» (с. 11).

Следует поддержать вывод диссертанта, представленный во втором положении, выносимом на защиту, о том, что широкая трактовка категории плюрализм объединяет на основе признаков независимости, автономии и равноправия множество его проявлений, среди которых важнейшими являются плюрализм публичных властей, включая его местный, федеративный и национальный аспекты, плюрализм политических партий

и общественных объединений, плюрализм мнений и убеждений. Эта мысль неоднократно высказывалась в публично-правовой науке и не вызывает критики. Однако далее Михаил Александрович утверждает, что в процессе социальной медиализации особую значимость приобретает плюрализм в сфере коммуникации (медиаплюрализм), гарантирование которого постепенно заменяет представительную демократию как основную форму реализации народного суверенитета (с. 12). Данное суждение, как мне кажется, требует дополнительной аргументации и пояснения: как нивелировать снижение роли и значимости представительной формы демократии в условиях «социальной медиализации»? Реально и целесообразно ли нормативно ограничить гарантирование медиаплюрализма в целях сохранения ценностно-объективного смысла и практической реализации народного суверенитета посредством традиционных форм прямой и непосредственной демократии?

Вкладом в науку конституционного права является предложенная диссертантом бинарная концепция коммуникационного плюрализма Германии, основанная на «мышлении от конституции» – *Denken von der Verfassung her* и «мышлении от государства» – *Denken vom Staat her* (п. 3 положений, выносимых на защиту, с. 12, 69). На основе авторской оригинальной методологии исследования диссертант доказывает выделение двух действующих конституционно-правовых моделей коммуникационного порядка Германии – интеграционной (или плюралистической) и либерально-этатистской (положения 4 и 5, с. 13, с. 124-129).

Видится оригинальным и заслуживает поддержки суждение автора о концепции функционализации коммуникационных свобод, которая, по его мнению, предполагает присвоение этим свободам в ходе конституционно-судебной интерпретации новой функции, ослабляющей их классическое индивидуально-субъективное содержание (положение 6, выносимое на защиту, с. 13). В ходе исследования Михаил Александрович детально и критически проанализировал разработанную Михаэлем Флитчем концепцию функционализации коммуникационных свобод (с. 130-192), модифицировал ее конструкцию и последовательно доказал тезис, что плюрализм является

основной целью функционализации коммуникационных свобод – свободы выражения мнения, свободы информации, свободы прессы, свободы вещания.

Развивая свои рассуждения относительно деформации гарантирования и обеспечения коммуникационных свобод, М.А. Короткевич делает обоснованный вывод о дисфункциональных характеристиках института общественного вещания (с. 183-184) и высказывается о необходимости сохранения данного института «в роли гаранта республиканского единства и средства коррекции недостатков свободного рынка» (положение 8, выносимое на защиту, с. 14, 120). Солидаризируясь с этим предложением, полагаю возможным указать, что прикладной эффект исследования можно было бы увеличить, сформулировав конкретные практические рекомендации по «усилению связи институтов общественного вещания с парламентом Германии в аспектах управления и финансирования», как провозглашается в диссертации (с. 14).

Несомненным достоинством работы является впервые проведенный автором системный анализ соответствия конституционно-правового ядра немецкого коммуникационного порядка традиционным и новым подходам к гарантированию плюрализма в рамках Совета Европы и в праве ЕС.

Автор обосновано доказал, что современное европейское понимание плюрализма является крайне широким и включает множество измерений, из которых были рассмотрены основные: применительно к медиасфере многообразие может одновременно определяться и по форме, и по содержанию; объяснять необходимость и действия, и бездействия; иметь отправной точкой и производителя, и потребителя информации. Попутные комментарии, сделанные М.А. Короткевичем в рамках §2.2. «Медиаплюрализм в европейской системе защиты прав человека», дают понять, что европейский подход к пониманию плюрализма характерен и для современной Германии (с. 207-208).

Научно и практически смелым является вывод автора о том, что в европейском публично-правовом пространстве «национальные государства теряют субстанциальную часть суверенитета и рискуют «раствориться» в

европейской публичной сфере» (с. 209). Однако, по мнению диссертанта, в Германии возможен «и менее вероятный сценарий»: размытость категории плюрализма на национальном уровне позволяет германским властям в значительной степени управлять общественным мнением, которое может выступить обоснованием для замедления темпов евроинтеграции или вовсе отказа от нее (с. 209). Весьма амбициозным, но тем не менее заслуживающим поддержки, является вывод диссертанта о том, что решение вопроса, «кто будет гарантировать плюрализм», становится для акторов европейской многоуровневой системы власти экзистенциальным (с. 209).

Следует согласиться с критикой степени гарантированности плюрализма в сфере коммуникации в Федеративной Республике Германия, представленной в исследовании Михаила Александровича. Отмечая существенное вмешательство в национальное медиаправо Германии со стороны европейских структур, автор аргументировано показывает внешние угрозы конституционной идентичности Германии. В работе приводятся и суждения немецких конституционалистов, подкрепляющие авторские аргументы в этом направлении: так, указывается, что медиасвободы Основного закона необходимо защитить от «самоуверенного», «агрессивного», «превышающего собственные полномочия» ЕС, в противном случае ценности внутренней коммуникационной конституции будут утрачены (с. 209). С этим сложно не согласиться.

Многие другие выводы автора заслуживают поддержки, выглядят достоверными и обоснованными, обладают элементами новизны и содержат новые подходы к решению научной проблемы онтологии плюрализма в системе коммуникационных свобод в конституционном праве Германии.

Теоретическая значимость диссертационного исследования М.А. Короткевича выражается в полученных результатах, обогащающих науку конституционного права, развивающих конституционную теорию плюрализма и коммуникационных свобод в индивидуально-ценностном и объективно-правовом контексте.

Диссертация М.А. Короткевича отличается системным и всеобъемлющим подходом к анализу доктринальных и нормативных источников по теме исследования. Достоинством диссертации является использование при ее написании первоисточников немецкого права и научных публикаций ученых ФРГ.

Диссертационное исследование М.А. Короткевича имеет серьезную пролонгированную во времени апробацию, о чем свидетельствуют участие автора в научно-практических конференциях различного статуса, научные публикации, в том числе в ведущих рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ по специальности и отрасли наук, а также научно-исследовательские стажировки на юридическом факультете Университета города Регенсбурга (Германия) в 2021/2022 учебном году и в Университете города Ростока (Германия) в 2019/2020 учебном году.

Таким образом, диссертационное исследование, представленное М.А. Короткевичем, соответствует требованиям новизны, обоснованности и аргументированности научных положений, выводов и рекомендаций.

Вместе с тем, несмотря на большое теоретическое и практическое значение работы, как и любой результат творческой научной деятельности такого уровня, диссертационное исследование Михаила Александровича Короткевича не лишено спорных моментов, которые вызывают научную полемику или нуждаются в дополнительном пояснении и аргументировании.

1. В числе сформулированных задач исследования автор указал такие: – *определить конституционно-правовые риски*, угрожающие классическому содержанию коммуникационных свобод, и тенденции в развитии немецкого коммуникационного порядка; – *выдвинуть рекомендации по возможному реформированию коммуникационного порядка Германии* для восстановления свободы личности, автономии общества и суверенитета государства в коммуникационной сфере. Обе задачи последовательно решены в тексте диссертационного исследования. Вместе с тем мне, как оппоненту, не хватило системного и концентрированного изложения заявленных

конституционно-правовых рисков и рекомендаций по реформированию коммуникационного порядка Германии в контексте тематики исследования в положениях, выносимых на защиту.

Так, в работе существенное внимание автор уделяет проблеме дефицита суверенитета ФРГ, имеющей множество проявлений в немецкой коммуникационной сфере. В особенности критике подвергаются следующие конституционно-правовые конструкции: презумпция в пользу свободы слова (с. 149-156), привилегирование прессы и информационных агентств (с. 124-129, 163-175), а также дефектное оформление института общественного вещания (с. 182-187). По данным направлениям уместно было бы представить риски и рекомендации в более системном и концентрированном виде.

2. Исследуя феномен функционализации коммуникационных свобод, автор отмечает «постепенное превращение коммуникационных свобод в обязанности» (с. 4) вследствие европейского и немецкого ограничительного медиарегулирования в ФРГ. Нет сомнений, что чрезмерное ограничение коммуникационных свобод имеет известные в науке и практике потенциальные риски и угрожает плюрализму, однако автор указывает на трансформацию коммуникационных основных прав в коммуникационные обязанности. Хотелось бы получить пояснения относительно догматической и нормативной концепции коммуникационных обязанностей в национальном немецком правопорядке и, возможно, в наднациональном европейском пространстве.

3. В настоящее время в условиях стремительного развития социальных медиа актуализировалась проблематика профилактики и противодействия идеологии экстремизма и терроризма. В 2007 году в Германии состоялось резонансное решение Федерального Конституционного Суда ФРГ по делу политического журнала *Cicero*. Согласно сформулированной правовой позиции ФКС подозрение в содействии редакции средства массовой информации в разглашении служебной тайны, в том числе связанной с противодействием экстремизму, как это и было в указанном случае, не может служить обоснованием для проведения следственных

мероприятий, влекущих за собой косвенное ущемление свободы массовой информации. Было бы интересно услышать мнение автора по данной позиции Федерального Конституционного Суда Германии в контексте гарантирования коммуникационных свобод и обеспечения личной и национальной безопасности.

4. В продолжение проблемы поиска баланса плюрализма как результата реализации коммуникационных свобод, с одной стороны, и обеспечения личной и национальной безопасности в условиях цифровизации и стремительного появления многочисленных социальных медиа и их гибридов, с другой стороны, интересна позиция автора относительно нормирования на конституционном или ординарном законодательном уровне разрешительного или даже императивного порядка концепта последующей и/или предварительной цензуры.

Перечисленные замечания и вопросы имеют дискуссионный характер, указывают на творческий подход к исследованию и не влияют на общую положительную оценку оппонируемой диссертации М.А. Короткевича как научно-квалификационной работы.

Проведенное исследование представляет собой самостоятельную, целостную и завершенную работу, выполненную на необходимом теоретическом уровне и имеющую высокую практическую значимость. Диссертация демонстрирует весомый личный вклад автора в развитие публично-правовой науки. В исследовании сформулирован ряд научных положений, которые являются новыми по своей постановке и предлагаемым решениям.

Диссертация Короткевича Михаила Александровича на тему «Плюрализм как цель коммуникационных свобод в конституционном праве Федеративной Республики Германия» отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки» (по юридическим наукам), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5

Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова. Диссертация оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Короткевич Михаил Александрович заслуживает присуждения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки».

Официальный оппонент:

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры прав человека
Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Российская академия народного
хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»

Липчанская Мария Александровна

«03» декабря 2025 г.

Контактные данные:

тел.: 7 (499) 956-99-99, e-mail: information@ranepa.ru.

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация:
12.00.02 – конституционное право; муниципальное право.

Адрес места работы:

119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 82, стр. 1.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Институт права и национальной безопасности.

Тел.: 7 (499) 956-99-99, e-mail: information@ranepa.ru.